Федоров Б.
Как защищалось самодержавие
М. 1917

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ".

№ 11. Б. Д. Өедоровъ.

КАКЪ ЗАЩИЩАЛОСЬ САМОДЕРЖАВІЕ?

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
1917.

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ".

№ 11.

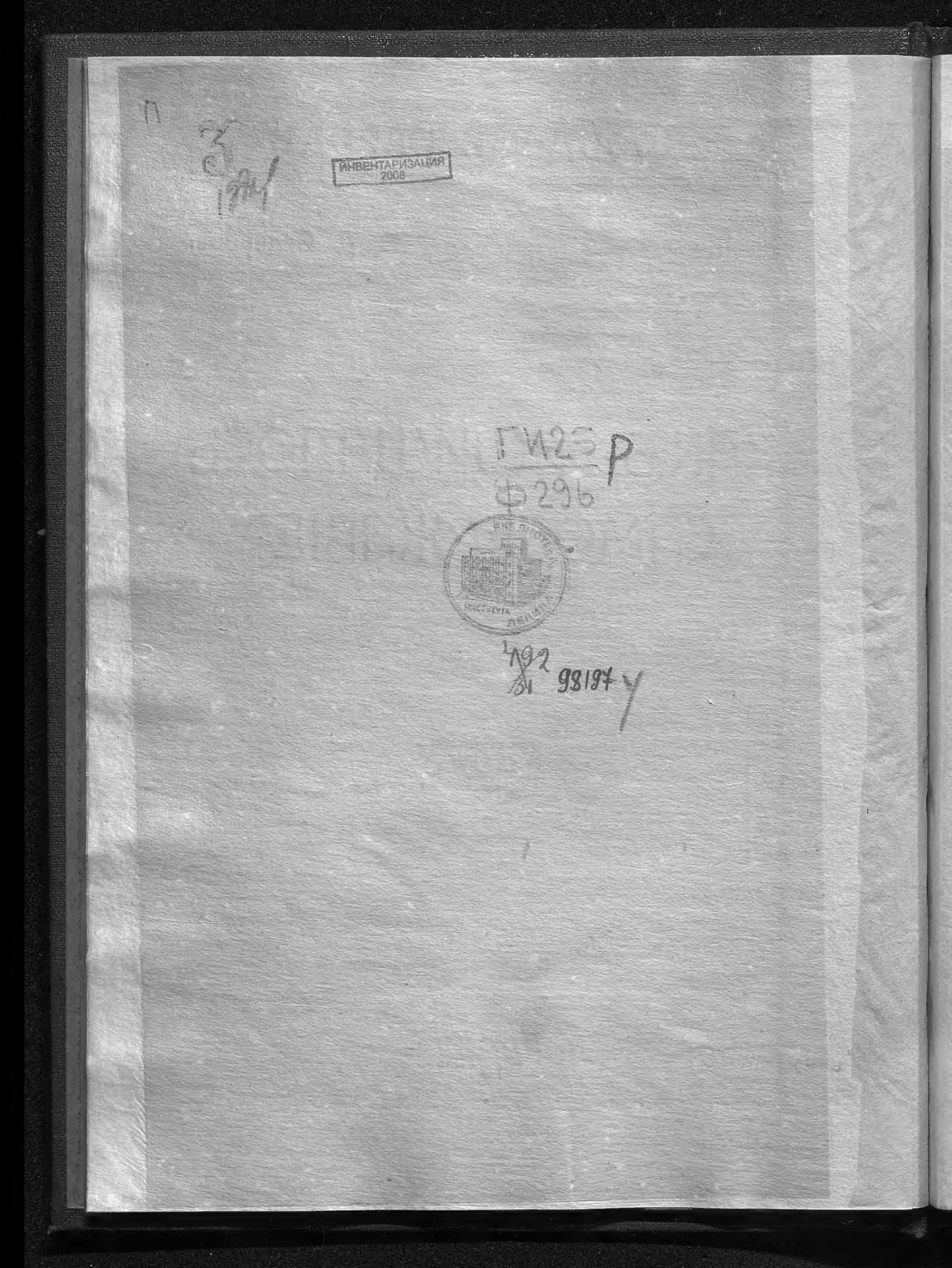
Б. Д. Ѳедоровъ.

КАКЪ ЗАЩИЩАЛОСЬ САМОДЕРЖАВІЕ?

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ГИ25 Р
Ф296
98187 У

Какъ защищалось самодержавіе?

Въ этой книжкѣ мы хотимъ напомнить читателю о только что минувшемъ времени тяжелаго гнета и произвола, висѣвшаго надъ русскимъ народомъ,—времени господства въ Россіи царскаго самодержавія. До сихъ поръ о многомъ писать было нельзя, а многое и совсѣмъ оставалось неизвѣстнымъ, потому что старая власть зорко слѣдила за газетами, журналами и книгами, запрещая писать въ нихъ все, что было ей неугодно и непріятно. Все это,—насилія, произволъ, взяточничество, казнокрадство, тюрьмы, смертныя казни—все это необходимо вспомнить теперь, когда каждый изъ насъ уже призванъ принять участіе въ великомъ и страшно трудномъ строительствѣ освобожденной Россіи. Скоро начнутся выборы представителей въ Учредительное Собраніе, которое должно будетъ рѣшить, какое правленіе установить въ Россіи, то есть, нужна ли намъ монархія или республика, нужна ли намъ царская власть или власть самого народа. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, повторяемъ мы, вспомнить, какъ намъ жилось при царской власти и чѣмъ эта царская власть у насъ держалась.

I.

Однимъ изъ самыхъ старыхъ и излюбленныхъ пріемовъ борьбы съ правдой и истиной царскіе слуги, да и сами цари, считали *борьбу съ народнымъ просвѣщеніемъ*. Съ давнихъ временъ понимали они, что имъ легче управлять неразвитымъ, непросвѣщеннымъ, темнымъ народомъ, держа его въ страхѣ и повиновеніи, чѣмъ народомъ грамотнымъ, просвѣщеннымъ, а потому и понимающимъ, что правительство должно существовать не для того, чтобы угнетать народъ, а для того, чтобы ему служить, заботясь объ его нуждахъ. Хорошо

знало старое правительство, что грамотность и образованіе откроютъ темному люду глаза, и онъ увидитъ все зло, весь произволъ и всю неправду. Понимая это, правительства старой Россіи уже многіе десятки, даже сотни лѣтъ боролись съ народнымъ просвѣщеніемъ. Екатерина II, Павелъ, Александръ I, Николай I и всѣ слѣдующіе за ними «самодержцы», вплоть до свергнутаго народомъ Николая II, старались оставить народъ въ темнотѣ: они не разрѣшали обучать грамотѣ крестьянъ и мѣщанъ, считая, что только дѣти дворянъ должны быть образованными людьми. Они прогоняли лучшихъ учителей и ученыхъ людей изъ школъ и высшихъ учебныхъ заведеній, закрывали самыя школы или назначали въ нихъ полуграмотныхъ и невѣжественныхъ учителей, которые «соблюдали должное къ начальству уваженіе». Въ то время, какъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи и другихъ государствахъ давно уже введено *всеобщее* обученіе, въ то время, какъ въ этихъ странахъ правительства открывали за счетъ казны по деревнямъ, селамъ и городамъ школы, училища, читальни и библіотеки,—у насъ въ Россіи правительство, вмѣсто школъ и читаленъ, расплодило по всей Россіи «казенки», въ которыхъ темный народъ оставлялъ свои трудовые гроши.

Видя, что правительство ничего не хочетъ дѣлать для народнаго образованія, на помощь сельскому населенію стали приходить земства, которыя открывали по деревнямъ и селамъ свои *земскія* школы. Но правительство, опасаясь такихъ земскихъ школъ, тотчасъ же установило и за ними строгій надзоръ, не разрѣшало имѣть въ нихъ хорошія учебныя книги, поручило полиціи слѣдить за учителями, а учителямъ предписывало воспитывать учениковъ въ страхѣ и повиновеніи начальству. Но и этимъ усердные гонители просвѣщенія не довольствовались: они также зорко слѣдили и за тѣмъ, чтобы *никто* по своему почину не обучалъ и не просвѣщалъ народъ. Извѣстенъ такой случай. Въ одномъ бѣдномъ селѣ жилъ фельдшеръ, который въ праздничные дни собиралъ въ своей избѣ крестьянъ, читалъ имъ книги и газеты, объяснялъ имъ все, о чемъ они его разспрашивали, а ребятишекъ обучалъ чтенію и письму, такъ какъ школы въ селѣ не было. Скоро пріохотились мужички къ

бесѣдамъ со своимъ добровольнымъ учителемъ. Съ каждымъ праздникомъ все больше и больше собиралось въ его избѣ слушателей. Наконецъ была устроена складчина, и, по указанію учителя, крестьяне выписали себѣ книги и газеты. Черезъ короткое время въ избѣ фельдшера образовалась цѣлая маленькая школа съ читальней и библіотекой: кто читаетъ, кто слушаетъ, кто ребятъ грамотѣ обучаетъ. Хорошему дѣлу всѣ были рады. И вотъ не прошло и трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, какъ пронюхалъ про все урядникъ, сообщилъ немедленно становому о недозволенныхъ начальствомъ занятіяхъ фельдшера съ односельчанами, становой написалъ земскому начальнику, этотъ—губернатору и «пошла писать губернія»! Кончилось тѣмъ, что по распоряженію губернатора фельдшера арестовали, мужичкамъ пригрозили, и хорошему дѣлу пришелъ конецъ.

И случаевъ такихъ было много, а русскій народъ оставался во тьмѣ духовной, безъ хорошихъ школъ, безъ полезныхъ книгъ, безъ хорошихъ учителей.

II.

Преслѣдуя школы и просвѣщеніе въ деревнѣ, старая власть боялась также пропустить въ нее хорошую книгу, газету или журналъ. Правительство понимало, что въ газетахъ и журналахъ крестьянинъ могъ прочитать о многомъ, что отъ него старательно скрывали: о Государственной Думѣ, о новыхъ законахъ, о дѣятельности министровъ, о событіяхъ на войнѣ; газеты сообщаютъ рѣчи народныхъ представителей, рѣчи министровъ, иностранныхъ пословъ и многое другое. Не пускать въ деревню совсѣмъ газетъ было, конечно, невозможно. Поэтому правительство старалось давать больше ходу такимъ газетамъ, которыя содержались на казенныя деньги и въ которыхъ люди, получавшіе жалованье изъ казны, писали то, что имъ приказывало начальство. Такія, какъ ихъ называютъ, *официозныя* газеты старались оправдать всѣ преступныя дѣйствія правительства, скрывали отъ народа истинную правду и боролись съ газетами *независимыми*, т. е. не получавшими казенныхъ субсидій и писавшими не по приказанію начальства. Такимъ

образомъ, самодержавіе имѣло цѣлый штатъ писакъ, которые писали статьи въ его защиту и по его указкѣ въ офиціозныхъ газетахъ. А такъ какъ къ такимъ продажнымъ газетамъ и наемнымъ писателямъ довѣрія было мало, и всякій предпочелъ бы имъ газету свободную и независимую, то правительство само черезъ волостныя правленія, черезъ священниковъ и земскихъ начальниковъ старалось распространять свои газеты, а независимымъ газетамъ ставило всякія препятствія, штрафовало ихъ, а то попросту закрывало. Благодаря этимъ стѣсненіямъ, Россія по количеству печатавшихся въ ней газетъ и журналовъ (*періодическихъ изданій*) все время находилась на послѣднемъ мѣстѣ среди другихъ государствъ. Такъ, напримѣръ, въ столицѣ Франціи—Парижѣ въ 1897 году издавалось 2327 періодическихъ изданій; въ Германіи въ 1902 году на одномъ лишь нѣмецкомъ языкѣ выходило 8668 газетъ и журналовъ; въ Америкѣ въ 1900 году всѣхъ періодическихъ изданій было 21272. У насъ же въ Россіи даже въ 1905 или 1906 году выходило не болѣе 1500 газетъ и журналовъ. Въ то время, какъ въ Америкѣ, если разверстать на каждаго жителя, безъ различія пола и возраста, включая и грудныхъ младенцевъ, выходитъ ежедневно больше, чѣмъ по одному газетному листу на каждаго,—въ Россіи еще и сейчасъ газета является большой рѣдкостью въ деревняхъ и селахъ, рѣдкостью, которую бережно передаютъ для прочтенія изъ одной избы въ другую, читаютъ и перечитываютъ помногу разъ. Да и въ городахъ въ хорошей газетѣ до сихъ поръ нужда большая.

Для того, чтобы внимательно слѣдить за каждымъ печатнымъ словомъ, была заведена *цензура* всѣхъ печатныхъ изданій, то есть просмотръ всего написаннаго особыми чиновниками, которые имѣли право запрещать печатаніе заготовленныхъ статей или вычеркивать изъ нихъ все, что имъ не нравилось.

Такъ какъ въ *цензурныхъ комитетахъ*, куда обязательно должны были доставляться всѣ сочиненія, сидѣли чиновники, дѣйствовавшіе по указанію и приказанію своего начальства, то, конечно, они и не разрѣшали печатать извѣстій, начальству непріятныхъ. Книги же, написанныя правдивымъ и смѣлымъ языкомъ, запрещались, какъ *вред-*

ныя. Такимъ образомъ, при помощи цензуры самодержавіе скрывало отъ народа не только свои преступныя дѣянія, но и всякія другія важныя событія въ жизни отечества. Такъ, въ 1874 году «строжайше» было воспрещено печатать что-нибудь о голодѣ въ Самарской губерніи; въ 1875 и слѣдующихъ годахъ запрещались «статьи, оскорбительныя для лицъ, находящихся на государственной службѣ», т. е. оскорбительныя для министровъ, губернаторовъ, земскихъ начальниковъ и прочихъ прислужниковъ царскаго самодержавія; въ 1889 году запрещено было разсказывать въ печати о городскихъ выборахъ; въ слѣдующіе годы безусловно воспрещалось упоминаніе о холерѣ; не разрѣшалось писать о закупкѣ муки петербургской городской управой, даже не позволено было помѣщать въ газетахъ извѣстія о бѣдныхъ, нуждавшихся въ помощи; запрещались также всякія извѣстія о болѣзни царя. Въ 1895 году усердные гонители свободнаго слова додумались до того, что запретили печатать въ газетахъ извѣстія о замерзаніи приморскихъ портовъ! Всѣ эти позорныя запрещенія, душившія свободное слово въ Россіи, приносили, конечно, жесточайшій вредъ всему народу: народъ не могъ знать, что дѣлается въ его отечествѣ, отъ народа скрывалось все—голодъ, холера, желѣзнодорожныя крушенія, продовольственныя закупки, почти всѣ мѣропріятія правительства, даже имена и фамиліи тѣхъ бѣдняковъ, которые нуждались въ посторонней помощи и поддержкѣ.

Если бы газеты строго выполняли всѣ эти приказы и запрещенія, то имъ и писать было бы не о чемъ. Но онѣ не всегда слушались, часто нарушали запрещенія, хотя и страдали за это. Поэтому съ теченіемъ времени все чаще и чаще въ Россіи начали появляться газеты и книги *нелегальныя,* то есть такія, которыя печатались тайно, въ скрытыхъ типографіяхъ, безъ разрѣшенія цензуры. Такія нелегальныя изданія особенно жестоко преслѣдовались правительствомъ, эти изданія подвергались *конфискаціи,* т. е. они запрещались для продажи, храненія и чтенія, а издатели и писатели такихъ сочиненій подвергались суровымъ наказаніямъ: ихъ арестовывали, сажали въ тюрьмы и ссылали въ далекую Сибирь. Особенно же безпощадно расправилась старая власть

съ газетами и журналами въ годы первой революціи, когда и газеты, и журналы, какъ и вся Россія, громко и требовательно стали говорить о народныхъ нуждахъ и указывать на произволъ и злоупотребленія правительства. Тогда за 5—6 мѣсяцевъ было запрещено печатать *сто двадцать девять газетъ*, было закрыто пятьдесятъ пять типографій, часть которыхъ была совсѣмъ разгромлена полиціей; отдѣльные номера конфискованныхъ газетъ полиція отбирала на улицахъ у продавцовъ, въ магазинахъ, у читателей; сотни тысячъ газетныхъ листовъ не дошли до читателя, а попали въ руки полиціи и жандармеріи, которыя ихъ уничтожали и прятали въ своихъ участкахъ. Эта расправа страшно озлобляла народъ, который жаждалъ живого свободнаго слова,— слова о свободѣ и справедливости, и онъ, возставъ въ 1905 году противъ царскаго самодержавія, послѣ первой же побѣды настойчиво потребовалъ устами своихъ представителей въ первой Государственной Думѣ уничтоженія цензуры и всякихъ ограниченій и стѣсненій для свободнаго слова. Но правительство и Николай II, еще до созыва первой Думы «даровавшій» народу свободу печати и слова, разогнали «крамольную» Думу и вслѣдъ за этимъ вновь начали борьбу съ той свободой, которую лицемѣрно возвѣстилъ народу въ своемъ манифестѣ 17 октября послѣдній русскій царь. Съ новой силой и новымъ усердіемъ правительство начало конфисковывать газеты и книги и арестовывать писателей и издателей.

Упорно преслѣдуя независимую печать, правительство для успѣшной борьбы съ ней воспользовалось нынѣшней войной и завело еще особую *«военную цензуру»*. Если бы эта цензура запрещала разглашать военныя тайны, противъ этого нельзя бы и спорить. Но въ дѣйствительности новые военные цензоры продолжали старую борьбу противъ свободнаго слова. Такъ, военная цензура запрещала писать не только о нашихъ неудачахъ на фронтѣ, не только о недостаткѣ у арміи оружія, снарядовъ и продовольствія, но и о преступныхъ измѣнническихъ дѣяніяхъ предателей Мясоѣдова и Сухомлинова, о горячихъ рѣчахъ, произносившихся въ Государственной Думѣ и о возмутительныхъ похожденіяхъ

грязнаго пройдохи Распутина, позорившаго, вмѣстѣ съ царицей, царемъ и ихъ прислужниками русскій народъ. Во время этой войны правительство задушило всѣ рабочія газеты, а всѣ остальныя газеты стали выходить съ бѣлыми полосами. Каждый изъ насъ, конечно, помнитъ эти газеты въ которыхъ часто было больше бѣлыхъ пятенъ, чѣмъ, буквъ и словъ. Ждетъ, бывало, въ какомъ-нибудь захолустномъ селѣ или деревнѣ мужичекъ газету, ждетъ ее съ нетерпѣніемъ и волненіемъ. Наконецъ, получаетъ давно ожидавшуюся газету, торопливо развертываетъ ее и... диву дается: газета бѣлая! Хотѣлось ему почитать о Думѣ—бѣлое пятно, торопился узнать, что дѣлается на фронтѣ—опять такое же пятно, думалъ прочитать о столицахъ, читаетъ заголовки «Москва», «Петроградъ», а подъ заголовками все тѣ же бѣлыя пятна!... Мало-по-малу всѣ поняли, что означаютъ эти бѣлыя пятна: если пятенъ много—значитъ дѣло неладно! Догадалось и правительство, что бѣлыя полосы только волнуютъ народъ. И тогда оно стало воспрещать газетамъ даже и бѣлыя полосы. Заполняй чѣмъ хочешь, хоть объявленіями, а бѣлыхъ полосъ оставлять не смѣй, чтобы не догадывались, что это цензура работаетъ!

Преслѣдуя свободную печать, правительство не забывало и о частной перепискѣ между гражданами. Чего нѣтъ въ газетѣ, можно вѣдь описать въ письмѣ! И вотъ оно приказывало вскрывать письма, прочитывать и не пропускать тѣ, гдѣ написано про все правдиво и безъ стѣсненія. Благодаря этому, случалось, напримѣръ, такъ, что какой-нибудь солдатъ, пославъ къ себѣ на родину письмо съ фронта, не получалъ никакого отвѣта. Напишетъ о своей боевой жизни, разскажетъ о недостаткѣ снарядовъ у русской арміи, пожалуется въ письмѣ на плохую пищу, все подробно опишетъ, ждетъ отвѣта—отвѣта нѣтъ. Въ то же время и въ деревнѣ начинаютъ безпокоиться, шлютъ родные солдату письмо, въ которомъ попросту разсказываютъ ему о своемъ житьѣ-бытьѣ деревенскомъ: жизнь, дескать, дорога стала, работниковъ всѣхъ на войну угнали, хлѣбъ сѣять некому. Тоже ждутъ отвѣта—отвѣта тоже нѣтъ. Безпокоится солдатъ на позиціяхъ, безпокоятся и въ деревнѣ о солдатѣ, ду-

маютъ: «живъ ли?»... Наконецъ, удается солдату выбраться на побывку домой, пріѣзжаетъ въ родную деревню, видитъ: всѣ встрѣчаютъ его живы-невредимы.

— «Что же вы»,—спрашиваетъ онъ,—«не отвѣчали на мои письма?»

— «Да и ты»,—отвѣчаютъ ему,—«не порадовалъ насъ вѣсточкой о себѣ!»...

Оказывается, что въ деревнѣ не получали писемъ отъ солдата, а до солдата не доходили письма изъ родной деревни. Виновниками же этого была все та же цензура и цензурные чиновники. Для цензуры писемъ, которыхъ ежедневно бываетъ сотни тысячъ и даже милліоны, правительство должно было имѣть большое количество чиновниковъ, которые за свою работу получали изъ народныхъ же денегъ десятки тысячъ рублей, а народъ и армія оставались въ полномъ невѣдѣніи: народъ не зналъ, что дѣлалось на фронтѣ, а солдаты не вѣдали, что происходило въ тылу.

III.

Кромѣ цензурныхъ чиновниковъ, искоренявшихъ по указанію правительства «крамолу» въ газетахъ, книгахъ и письмахъ, у старой власти имѣлась еще цѣлая армія другихъ исполнителей ея приказаній. Эта очень большая армія состояла изъ городской и уѣздной *полиціи* (урядниковъ, стражниковъ, становыхъ, городовыхъ, околоточныхъ надзирателей, приставовъ, полицеймейстеровъ), изъ жандармовъ и тайныхъ агентовъ-сыщиковъ. При помощи этой арміи старое правительство защищалось отъ «внутренняго» врага, т. е. отъ всѣхъ насъ, русскихъ гражданъ: отъ крестьянъ, рабочихъ, учителей, студентовъ, врачей, писателей, отъ мужчинъ и женщинъ, отъ стариковъ и дѣтей.

Полиція существовала въ Россіи болѣе ста лѣтъ. Жандармы появились въ Россіи въ 1826 году и съ этого же года въ Россіи начало дѣйствовать знаменитое «третье отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи». Этому отдѣленію царской канцеляріи было поручено руководить всей борьбой съ «крамолой» и ему же были

подчинены почти всѣ другія власти, не исключая и министровъ. При Александрѣ II «третье отдѣленіе» было замѣнено департаментомъ полиціи и охранными отдѣленіями, въ которыя перешла вся власть упраздненнаго «третьяго отдѣленія».

За все время существованія въ Россіи полиціи правительство всячески старалось увеличить и усилить ее. Оно расплодило по всей Россіи полицейскихъ чиновниковъ; оно всюду насажало полицію—конную и пѣшую, городскую, волостную и сельскую, тайную и явную, фабричную (на заводахъ и фабрикахъ), рѣчную и горную, полевую и лѣсную. Въ каждомъ захолустномъ городишкѣ, въ каждой деревенькѣ находился тотъ или другой «блюститель порядка». Законами и правительственными распоряженіями полиціи предоставлялись обширныя права надъ личностью русскихъ гражданъ. Полиція несла отвѣтственность лишь передъ своимъ высшимъ начальствомъ, которое, конечно, не только не сдерживало произвола своихъ подчиненныхъ, но, наоборотъ, самосодѣйствовало этому произволу и защищало его.

Особенно же велика была власть *жандармеріи*, на обязанности которой лежала борьба съ такъ называемыми «политическими преступленіями», т. е. со стремленіемъ русскаго народа къ пріобрѣтенію себѣ правъ, свободы и независимости отъ правительственнаго произвола. Эти народныя стремленія правительство называло также «крамолой», а людей, стремившихся къ свободѣ, называло «крамольниками», «неблагонадежными», «политическими преступниками». Съ «крамолой» и «крамольниками» должна была бороться жандармерія всѣми силами, всѣми средствами, и она за сто лѣтъ своего существованія доказала, что для нея благополучіе правительства дороже благополучія народа, что для нея не было ничего святого, кромѣ самодержавія и воли начальства. Она и полиція надолго оставили въ памяти народной кровавые ужасы преступной борьбы съ народомъ и «крамолой».

Въ подмогу жандармеріи, для болѣе успѣшной борьбы съ «крамолой», правительство открыло въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ (въ Варшавѣ, Ригѣ, Кіевѣ, Баку и др.) *охранныя отдѣленія* или, какъ ихъ коротко называли, «охранки», въ которыхъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ высшихъ жандармскихъ чиновъ, «работали» тысячи *сыщи-*

ковъ и *провокаторовъ*, слѣдившихъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ русскихъ гражданъ. Эти *тайные агенты* стараго правительства пробирались въ солдатскія казармы, на фабрики и заводы, на крестьянскіе сходы и всякія собранія; эти сыщики слѣдили за гражданами на улицахъ, въ вагонахъ трамвая и поѣздовъ, въ казенныхъ и частныхъ домахъ, даже въ церквахъ; они переѣзжали изъ одного города въ другой, выѣзжали изъ Россіи въ другія страны и всюду вывѣдывали, все вынюхивали, о всемъ разспрашивали, все записывали и о всемъ доносили въ свои притоны—«охранки». Здѣсь жандармскіе офицеры выслушивали и записывали доносы своихъ ищеекъ и отдавали приказанія объ арестѣ выслѣженныхъ «политическихъ преступниковъ». Въ этихъ же притонахъ хранились цѣлые шкафы съ донесеніями сыщиковъ, цѣлыя комнаты были наполнены конфискованными газетами и книгами; здѣсь же были устроены фотографіи, въ которыхъ дѣлались снимки со всѣхъ попадавшихъ въ «охранки» гражданъ; изъ этихъ карточекъ составлялись цѣлые альбомы «неблагонадежныхъ» лицъ для раздачи сыщикамъ, которые по нимъ всюду узнавали «преступниковъ». Въ охранныхъ же отдѣленіяхъ производились допросы арестованныхъ «крамольниковъ», и здѣсь же, въ этихъ застѣнкахъ царскаго самодержавія, часто творились судъ и расправа надъ жертвами полицейскаго произвола; часто при допросахъ жандармы били и истязали допрашиваемыхъ; нерѣдко послѣ такихъ избіеній несчастныхъ перевозили въ больницу; наконецъ, бывали случаи, когда отъ побоевъ арестованные умирали...

Страшно становится при мысли, что на содержаніе этихъ застѣнковъ, на содержаніе тысячъ сыщиковъ и сотенъ тысячъ полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ расходовались годами милліоны рублей трудовыхъ народныхъ денегъ. Сколько можно было бы на эти деньги открыть школъ, больницъ, библіотекъ и читаленъ!

Не жалѣя народныхъ денегъ на содержаніе полицейской арміи, правительство очень жалѣло своихъ защитниковъ и хранителей. Поэтому-то оно освобождало ихъ отъ военной службы и не посылало ихъ даже на эту войну. Наоборотъ, въ то время, какъ на войну гнались старики, больные и

малолѣтніе, правительство и его послѣдній министръ Протоповъ, который завѣдывалъ всей полиціей, увеличивали свою армію жандармовъ, сыщиковъ и полицейскихъ; въ то время, какъ семьи призванныхъ на войну лишались своего пайка, Протопоповъ увеличивалъ до небывалыхъ размѣровъ жалованье полиціи; въ то время, какъ у арміи нехватало оружія и снарядовъ, правительство съ головы до ногъ вооружало многотысячную армію своихъ хранителей; въ то время, какъ на фронтѣ въ воинскихъ складахъ не было оружія и снарядовъ, правительство въ тылу наполняло оружіемъ полицейскіе участки, жандармскія управленія и даже вокзалы и станціи желѣзныхъ дорогъ; въ то время, какъ правительство объявляло народу о необходимости призвать на войну стариковъ и дѣтей для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, въ тылу оставалась громадная армія хорошо обмундированныхъ, сытыхъ и прекрасно обученныхъ военному дѣлу полицейскихъ и жандармовъ. Эту армію преступное правительство берегло для борьбы не съ внѣшнимъ врагомъ, а съ врагомъ «внутреннимъ»; при помощи этой позорной арміи правительство собиралось подавить всякое возстаніе противъ гнета самодержавія.

Однако, ожиданія его не сбылись. Возставшій народъ и народная армія свергли ненавистное правительство, а всѣхъ его хранителей—полицейскихъ и жандармовъ—народъ теперь отправляетъ на позиціи. Пусть тамъ, гдѣ гибли милліоны русскихъ жизней, они искупятъ передъ народомъ свое тяжкое, ужасное преступленіе.

IV.

Окруженное, такимъ образомъ, полиціей, сыщиками, жандармами, цензурными чиновниками старое правительство, подъ одобрительные возгласы офиціозной печати и при вынужденномъ молчаніи печати независимой, творило судъ и расправу надъ русскимъ народомъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ продолжалось въ Россіи дикое преслѣдованіе самодержавіемъ свободнаго слова, свободнаго движенія русскихъ гражданъ. Правительство преслѣдовало всѣхъ, хватая и заключая въ тюрьмы по самому ничтожному подозрѣнію въ «крамолѣ»

и «неблагонадежности». Противъ попытокъ народа противиться произволу старая власть выдвигала въ качествѣ орудій своей борьбы—аресты, обыски, ссылку, заключенія въ тюрьмы, нагайки, пулеметы, погромы, казни и разстрѣлы. Въ 1905 и 1906 гг. старая власть пустила въ ходъ всѣ свои силы и съ небывалой до тѣхъ поръ жестокостью принялась «искоренять крамолу». За одинъ лишь февраль 1906 года, по словамъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, правительство арестовало 24000 человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ всѣхъ арестованныхъ было гораздо болѣе; можно думать, что всего за этотъ мѣсяцъ было арестовано до 50000 человѣкъ! Слѣдовательно, ежедневно старая власть хватала и бросала въ тюрьмы свыше 1500 русскихъ гражданъ. Объ этой своей позорной работѣ правительство запрещало писать въ газетахъ. Поэтому, если мы возьмемъ газеты того времени, то мы найдемъ тамъ лишь неполныя извѣстія объ арестахъ, обыскахъ и казняхъ. Однако, подсчитывая только газетныя извѣстія объ арестахъ, мы получимъ все-таки въ итогѣ значительное количество арестованныхъ. Такъ, напримѣръ, за полгода—съ октября 1905 г. по апрѣль 1906 года—по газетнымъ свѣдѣніямъ, было арестовано:

Въ октябрѣ	450	человѣкъ.
„ ноябрѣ	780	„
„ декабрѣ	1620	„
„ январѣ	7460	„
„ февралѣ	2490	„
„ мартѣ	1400	„

Итакъ, по неполнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ газетъ, за полгода первой русской революціи было арестовано 15000 человѣкъ. За что же эти тысячи гражданъ были лишены свободы? Оказывается, что старая власть хватала и заключала въ тюрьмы за самыя ничтожныя «преступленія», былъ даже случай, когда одного человѣка арестовали за то что онъ *смотрѣлъ* какъ вели арестантовъ! Очень часто арестовывали *ни за что*; такъ и объявлялось: такой-то арестованъ «безъ объясненія причинъ», при обыскѣ «ничего не найдено». Понятно, что *такихъ* «крамольниковъ», которые передъ старой властью *ни въ чемъ* не были провинны, можно

было найти очень много. Неудивительно поэтому, что въ числѣ арестованныхъ въ то время были люди самыхъ разнообразныхъ званій. Дѣйствительно, въ числѣ арестованныхъ были: начальники тюремъ, фабричные инспекторы, гимназистки, городовые, продавцы газетъ, директоры и учителя учебныхъ заведеній, податные инспекторы, предсѣдатели военнаго суда, морскіе и сухопутные офицеры, адмиралы и генералы, земскіе начальники, мировые судьи, городскіе головы и предсѣдатели земскихъ управъ, земскіе и городскіе служащіе, предводители дворянства, дѣти и старики, юнкера и кадеты, инженеры, врачи, профессора, адвокаты, писатели, художники, почтовые и желѣзнодорожные служащіе, издатели газетъ, студенты, солдаты, рабочіе, крестьяне, священники и даже полицеймейстеры, губернаторы и вице-губернаторы!...

Читая эти списки арестованныхъ и заключенныхъ, невольно начинаешь удивляться тому, какъ старая власть всѣхъ заподозрѣвала и отъ всѣхъ, даже отъ своихъ же слугъ, себя защищала. Даже въ полицеймейстерахъ и губернаторахъ слѣпая власть порою видѣла «опасныхъ крамольниковъ»!

Конечно, при такой ретивой борьбѣ съ «внутреннимъ врагомъ» старая власть биткомъ набивала «крамольниками» свои тюрьмы и участки. Въ газетахъ того времени то и дѣло сообщалось о переполненіи тюремъ. Изъ Воронежа писали: «Обыски и аресты, аресты и обыски. Нѣтъ семьи, членъ которой не былъ бы въ тюрьмѣ. Тюрьма, участки, такъ называемая «полуротка» (арестантское отдѣленіе),—все переполнено». Изъ Ярославля газеты сообщали: «Аресты гражданъ продолжаются. Вслѣдствіе переполненія тюремъ, арестованные переводятся въ другіе города». Такія же извѣстія доносились изъ всѣхъ городовъ и изъ всѣхъ губерній.

Впрочемъ, заключенныхъ не всѣхъ держали въ тюрьмахъ. Многихъ изъ нихъ правительство изъ тюремъ отправляло... въ Сибирь, на каторгу. Тамъ, въ далекой Сибири, побывали чуть не всѣ знаменитые русскіе писатели; такъ на каторгѣ, заброшенные среди дикихъ инородцевъ, гибли славные борцы за народное дѣло. Со временъ Николая I до Николая послѣдняго гнались въ Сибирь лучшіе люди. Недаромъ же поется въ русской пѣснѣ:

По дорогѣ большой, что на сѣверъ ведетъ,
Что Владимиркой изстарь зовется,
Цвѣтъ Россіи идетъ, кандалами гремитъ,
И «Дубинушка» стройно несется.

Долгіе годы, часто всю свою жизнь, томились борцы за свободу на каторжныхъ работахъ вдали отъ родныхъ, друзей и знакомыхъ. А старая власть гнала все новыя и новыя жертвы за Уральскія горы. Одними изъ послѣднихъ отправленныхъ въ далекую Сибирь правительствомъ, были пять членовъ Государственной Думы, представителей отъ рабочихъ: Бадаевъ, Мурановъ, Петровскій, Самойловъ и Шаговъ. Несмотря на то, что законами личность членовъ Думы признавалась неприкосновенной, правительство въ своемъ произволѣ не остановилось передъ требованіемъ закона, и пять народныхъ представителей были сосланы. Можно было бы еще многое разсказать объ ужасахъ сибирской каторги и русскихъ тюремъ, но не будемъ сейчасъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ къ разсказу о другихъ способахъ борьбы самодержавія съ народомъ.

V.

Въ числѣ другихъ преступныхъ пріемовъ этой борьбы мы назовемъ *погромы, исключительныя положенія, военно-полевые суды, смертныя казни и карательныя экспедиціи.* Сначала разскажемъ о погромахъ. Нигдѣ, ни въ одномъ изъ государствъ Европы, не было такого преступленія, которое у насъ въ Россіи извѣстно подъ страшнымъ именемъ *черносотеннаго погрома.* Нигдѣ борьба съ революціей не велась правительствомъ такъ грубо, жестоко и преступно, какъ въ Россіи. Кто изъ насъ, бывшихъ очевидцами черносотенныхъ погромовъ въ 1905 и 1906 годахъ, можетъ вспомнить эти ужасы безъ содроганія и возмущенія? Это возмущеніе становится еще сильнѣе, когда мы узнаемъ, *кто* руководилъ этими преступленіями. Въ большинствѣ случаевъ погромы устраивались съ согласія или по приказанію мѣстной *администраціи,* т. е. губернаторовъ, градоначальниковъ и другихъ прислужниковъ самодержавія. По заранѣе составленному плану собирались въ подходящемъ мѣстѣ банды такъ называемыхъ „черныхъ сотенъ“, которыя состояли изъ по-

донковъ городского населенія. Эти банды руководились агентами охранныхъ отдѣленій, полицейскими чинами и высшей администраціей. Погромщики обычно были вооружены топорами, кольями и оружіемъ, которое выдавала имъ все та же преступная администрація. Почти всегда банды погромщиковъ шли на свою кровавую работу съ портретами Николая II и съ пѣніемъ „Боже, царя храни“ и „Спаси, Господи, люди твоя“. Разгромъ начинался обыкновенно съ квартиръ евреевъ, потомъ погромщики начинали громить жилища и другихъ гражданъ. Погромщики не останавливались ни передъ чѣмъ, ничто не могло удержать ихъ отъ безобразій и издѣвательствъ надъ мирными жителями. Разбивались окна и двери въ домахъ, изъ оконъ выбрасывалось все имущество, все разбивалось, ломалось, уродовалось, обитатели разгромленныхъ жилищъ подвергались всяческимъ мученіямъ: ихъ топтали до-смерти ногами, выбрасывали изъ оконъ высокихъ домовъ, сжигали и топили. Пощады никому не было: убивались и женщины, и старики, и дѣти; женщины подвергались самому гнусному насилію пьяныхъ, разсвирѣпѣлыхъ громилъ. Въ эти ужасные дни было убито по разнымъ городамъ болѣе четырехъ тысячъ мирныхъ жителей и болѣе десяти тысячъ было изувѣчено. На десятки милліоновъ было разграблено и уничтожено имущества у русскихъ гражданъ. Совершая свою постыдную работу, погромщики знали, что они за это преступленіе не понесутъ отвѣтственности, такъ какъ сама администрація натравливала ихъ на мирное населеніе, а полиція часто вмѣстѣ съ громилами принимала участіе въ грабежѣ и разбояхъ. Наконецъ, погромщики и потому не боялись отвѣтственности и наказія, что они помогали царю, охраняя его власть отъ посягательства „крамольниковъ“. Поэтому-то они и носили съ собой на погромы портреты царя и громили и убивали тысячи жителей подъ пѣніе гимна и молитвъ!

Эти величайшія преступленія стараго правительства, сопровождаемыя кощунствомъ и рѣками крови, совершались болѣе чѣмъ въ ста городахъ. Особенно ужасны были погромы въ Томскѣ, Одессѣ, Твери, Гомелѣ, Ростовѣ-на-Дону, Кишиневѣ, Минскѣ и Елисаветградѣ.

VI. [illegible]

Но не всегда преступное правительство убивало русскихъ гражданъ и уничтожало ихъ имущество, прячась за спины погромщиковъ. Не менѣе ужасныя преступленія совершались на основаніи закона и именемъ закона. Убійства и насилія въ такихъ случаяхъ совершались открыто, и этими преступленіями открыто руководила сама власть черезъ своихъ прислужниковъ. Преступленія эти совершались въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя правительство объявляло на положеніи *усиленной* или *чрезвычайной охраны* или на *военномъ положеніи*. Въ такихъ мѣстностяхъ полными хозяевами надъ личностью и имуществомъ гражданъ являлись губернаторы и военные начальники, которые въ своемъ распоряженіи имѣли полицію, казачьи и драгунскіе отряды. Всѣ они пользовались предоставленной имъ властью, и за малѣйшее неповиновеніе, за малѣйшее ослушаніе властямъ граждане такихъ мѣстностей подвергались заключенію въ тюрьмы и разстрѣламъ. Самъ носитель верховной власти—Николай II—стремился отдать русскихъ гражданъ въ полное распоряженіе своихъ преступныхъ слугъ. Онъ самъ въ своемъ указѣ 29 ноября 1905 года предоставилъ губернаторамъ право вводить въ губерніяхъ чрезвычайную охрану. Пользуясь этимъ правомъ, дарованнымъ самимъ царемъ, губернаторы начали вводить чрезвычайную охрану въ одной губерніи за другой, и черезъ два мѣсяца почти вся Россія была объявлена на положеніи чрезвычайной охраны. Къ 1 марта 1906 года изъ 87 губерній и областей Россіи 60 губерній и областей были объявлены на исключительномъ положеніи, т. е. въ нихъ была введена усиленная или чрезвычайная охрана или военное положеніе. При помощи такихъ мѣропріятій правительство отдавало въ полное распоряженіе полиціи и администраціи почти все населеніе Россіи, а само помогало имъ, издавая законы о *военно-полевыхъ судахъ* и посылая въ различныя мѣста Россіи *карательныя экспедиціи*.

VII. [illegible]

Описаніемъ дѣятельности этихъ судовъ и экспедицій мы и закончимъ свой разсказъ о преступномъ правительствѣ царскаго самодержавія.

Законъ о введенiи военно-полевыхъ судовъ былъ изданъ въ 1906 году. Въ законѣ указывалось, что полевой судъ открывается лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находятся на военномъ положенiи или на положенiи чрезвычайной охраны. Судъ созывается генералъ-губернаторомъ, и въ число судей должны входить предсѣдатель и четыре офицера. Судъ долженъ закончить дѣло въ двое сутокъ, при закрытыхъ дверяхъ, т. е. безъ присутствiя постороннихъ лицъ. Законъ запрещалъ также подсудимымъ имѣть на судѣ защитниковъ. Приговоръ полевого суда считался окончательнымъ и приводился въ исполненiе не позже сутокъ со времени оглашенiя.

Этотъ ужасный законъ сразу получилъ большое распространенiе. Губернаторы и генералъ-губернаторы тотчасъ же послѣ опубликованiя этого закона начали вводить военно-полевые суды. Самое обыкновенное преступленiе судилось въ этихъ безсудныхъ судилищахъ. Такъ, напримѣръ, одесскiй генералъ-губернаторъ объявлялъ, что военно-полевому суду будутъ предаваться всѣ лица, обвиняемыя въ вооруженномъ сопротивленiи властямъ, въ нападенiи на чиновъ войскъ, полицiи, въ убiйствѣ, изнасилованiи, разбоѣ, грабежѣ и поджогѣ. Другой генералъ-губернаторъ пошелъ еще дальше. Онъ объявилъ, что военно-полевымъ судамъ будутъ предаваться лица, обвиненныя въ устройствѣ забастовокъ, въ порчѣ и истребленiи предметовъ воинскаго снаряженiя, въ поврежденiи телеграфа, телефона и желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ этотъ законъ еще больше усилилъ власть администрацiи; опираясь на этотъ законъ, губернаторы и военные начальники дѣлали все, что имъ вздумается, не останавливаясь ни передъ какими жестокостями, ни передъ какими преступленiями. Военно-полевые суды были введены почти во всѣхъ концахъ Россiи. Въ Ригѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кiевѣ, Екатеринославѣ, Бахмутѣ, Ревелѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ начали творить произволъ и расправу эти кровавые суды. Самымъ частымъ приговоромъ этихъ судовъ была смертная казнь, и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ осужденныхъ приговаривали къ каторожнымъ работамъ. Часто полевые суды сразу выносили по нѣскольку десятковъ смертныхъ приговоровъ; часто казнь назначалась за самыя ничтожныя преступленiя. Напримѣръ, въ мартѣ

1910 года въ Севастополѣ былъ преданъ смертной казни человѣкъ, обвиненный въ похищеніи четырехъ рублей, пары башмаковъ и колецъ, а въ Уфѣ казнили человѣка за похищеніе 15 рублей. Ни въ одной странѣ, ни у одного даже невѣжественнаго народа нѣтъ такихъ судовъ, которые бы лишали человѣка самого дорого—жизни за покражу пары башмаковъ или 15 рублей! И только въ Россіи въ царствованіе Николая II могли безнаказанно совершаться эти безсудные, преступные суды.

Что должны были чувствовать, что должны были пережить всѣ эти русскіе граждане, которыхъ приговаривало старое правительство къ смертной казни? Времени же для того, чтобы почувствовать весь ужасъ неминуемой казни, у приговоренныхъ къ смерти было часто слишкомъ много. Дѣло все въ томъ, что часто осужденному объявляли, что онъ будетъ казненъ, и сажали его въ тюрьму... Иногда проходили цѣлые мѣсяцы до исполненія приговора. Ожиданіе казни недѣлями и мѣсяцами ужаснѣе и чудовищнѣе всякой казни. О томъ, какъ ужасна смертная казнь и какъ ужасно положеніе *смертниковъ*, т. е. людей, осужденныхъ на смерть, мы узнаемъ изъ книжки знаменитаго писателя В. Короленко «Бытовое явленіе». (Издана въ Петроградѣ. Цѣна 15 коп.). Читая эту книжку, трудно удержаться отъ слезъ о всѣхъ погибшихъ, замученныхъ и повѣшенныхъ... Въ этой книжкѣ напечатано нѣсколько писемъ «смертниковъ», писавшихъ эти письма въ ожиданіи смерти. Ужасомъ вѣетъ отъ этихъ строкъ. Вотъ что одинъ изъ смертниковъ писалъ въ ожиданіи исполненія жестокаго приговора: «Жизнь приходится считать минутами, она коротка. Сейчасъ пишу эту записку и боюсь, что вотъ-вотъ растворятся двери, и я ее не докончу. Какъ скверно я чувствую себя въ этой зловѣщей тишинѣ! Чуть слышный шорохъ заставляетъ тревожно биться мое сердце... Скрипнетъ дверь... Но это внизу. И я снова начинаю писать. Въ коридорѣ послышались шаги, и я бѣгу къ дверямъ. Нѣтъ, снова напрасная тревога, это шаги надзирателя. Страшная мертвая тишина давитъ меня. Мнѣ душно. Моя голова налита какъ свинцомъ и безсильно падаетъ на подушку. А записку все.

таки окончить надо. О чемъ я хотѣлъ писать тебѣ? Да, о жизни! Не правда ли, смѣшно говорить о ней, когда тутъ, рядомъ съ тобой, смерть. Да, она недалеко отъ меня. Я чувствую на себѣ ея холодное дыханіе, ея страшный призракъ неотступно стоитъ въ моихъ глазахъ... Встанешь утромъ и, какъ ребенокъ, радуешься тому, что ты еще живъ, что еще цѣлый день предстоитъ наслаждаться жизнью. Но за то ночь! Сколько она приноситъ мученій,—трудно передать... Ну, пора кончить: около двухъ часовъ ночи. Можно заснуть и быть спокойнымъ: за мной уже сегодня не придутъ».

А вотъ письмо другого «смертника»: «Я давно не писалъ вамъ. Все фантазировалъ, но ничего не могъ сообразить своимъ больнымъ мозгомъ. Я въ настоящее время нахожусь въ полномъ невѣдѣніи, и это страшно мучаетъ меня. Я приговоренъ вотъ уже два мѣсяца, и вотъ все не вѣшаютъ. Зачѣмъ берегутъ меня? Можетъ быть, издѣваются надо мной? Можетъ быть, хотятъ, чтобы я мучился каждую ночь въ ожиданіи смерти? Да, товарищъ, я не нахожу слова, я не въ силахъ передать на бумагѣ, какъ я мучаюсь ночами! Что-нибудь—скорѣй бы!“

Прочтешь, сердце отъ боли сжимается, горло душатъ слезы, а съ устъ срываются слова проклятія всѣмъ, кто приговаривалъ, вѣшалъ и разстрѣливалъ. Въ другихъ государствахъ, если смертная казнь еще до сего времени сохранена, то приговариваютъ къ ней очень, очень рѣдко по постановленію суда въ исключительныхъ случаяхъ и за исключительно тяжелыя преступленія. А у насъ, напримѣръ, за первые три мѣсяца 1906 года было разстрѣляно и повѣшено пятьсотъ семьдесятъ человѣкъ, не считая массовыхъ разстрѣловъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ.

VIII.

Послѣднее, о чемъ осталось разсказать, является, кажется, самымъ ужаснымъ, самымъ дикимъ изъ всего, что пускало въ ходъ старое правительство въ борьбѣ съ народомъ. Это ужасное носитъ названіе „*карательныхъ экспедицій*“.

Кровавый вихрь карательныхъ экспедицій пронесся

надъ Россіей въ 1905—1906 годахъ. Насколько ужасны были результаты дѣятельности карательныхъ отрядовъ, насколько потрясающа была жестокость и необузданность карателей, насколько безумно было безсердечіе палачей, мы сейчасъ увидимъ. 16 декабря 1905 года изъ Москвы выѣхалъ отрядъ Семеновскаго полка и ознаменовалъ свой путь по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, на протяженіи ста слишкомъ верстъ, кровавыми дѣяніями. Этотъ отрядъ, подъ предводительствомъ полковника Римана и 18 офицеровъ, задался цѣлью отомстить народу за всѣ его стремленія къ свободѣ, къ свѣту, къ улучшенію своего существованія. Вотъ какъ дѣйствовала эта экспедиція: «Было убито болѣе 150 человѣкъ безъ суда и слѣдствія, безъ права сказать свое послѣднее слово, безъ возможности знать за минуту смерти, что будетъ убитъ, безъ молитвы, безъ покаянія, безъ послѣдняго «прости» своимъ дѣтямъ, женамъ, роднымъ. Все это было исполнено!.. И все это вселило ужасъ, который кровавымъ призакомъ гнался вслѣдъ за уходящимъ поѣздомъ, гдѣ жестокіе мстители праздновали свою кровавую побѣду подъ стоны умирающихъ, избитыхъ, израненныхъ людей, заглушаемые грохотомъ и лязганьемъ несущагося поѣзда и звономъ бакаловъ «веселаго пира»[1]). Ужаснѣе всего то, что убивались люди ни въ чемъ неповинные, мирные обыватели, старики, женщины и дѣти. И не просто убивались, а истязались безчеловѣчно, дико, безобразно. Показанія свидѣтелей, видѣвшихъ эту расправу, сообщаютъ ужасныя подробности объ истязаніяхъ и издѣвательствахъ палачей надъ жертвами. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что трупъ одного изъ убитыхъ служащихъ на желѣзной дорогѣ «былъ такъ сильно изуродованъ, что, если бы не одежда, то нельзя было бы его признать. Все лицо было истыкано штыками. Глазныя впадины были пробиты до мозга. Подбородокъ, щеки, носъ, представляли изъ себя сплошную кровавую маску»...

Въ такой расправѣ оказалось, какъ говорилось выше, убитыми въ пяти мѣстахъ 150 человѣкъ:

---

1) В. Владиміровъ. „Карательная экспедиція“. М. 1906. Ц. 1 р.

въ Перовѣ. . . . . 73 человѣка
» Сортировочной . . . . 33 »
» Голутвинѣ . . . . 27 »
» Люберцахъ . . . . 14 »
» Амитковѣ . . . . 3 »

Необходимо еще сказать, что изъ 150 человѣкъ лишь 21 человѣкъ принимали участіе въ забастовкѣ и въ забастовочныхъ организаціяхъ; слѣдовательно 129 человѣкъ были лишены жизни совсѣмъ ни за что, т. к. и само правительство, подославшее къ нимъ убійцъ, не могло предъявить къ нимъ никакого обвиненія.

Еще ужаснѣе результаты карательной экспедиціи, которая расправилась съ населеніемъ прибалтійскихъ губерній. Не будемъ сейчасъ описывать всѣ ужасы, которыми сопровождалось это избіеніе; скажемъ лишь кратко, что совершила карательная экспедиція въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ январѣ 1906 года, а читатель пусть самъ уже подумаетъ и почувствуетъ, до какой дикости, безумія и жестокости доходили способы «искорененія крамолы» старымъ правительствомъ и какъ оно, вѣшая и разстрѣливая «внутреннихъ враговъ», оберегало себя отъ народа, стремившагося къ завоеванію себѣ правъ и свободы.

Вотъ что за одинъ только мѣсяцъ совершили карательныя экспедиціи въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ 1906 г.:

Крестьянъ и горожанъ растрѣляно . 445 человѣкъ.
» » казнено. . . 252 »
» » повѣшено. . . 10 »
Крестьянъ наказано розгами около 200 »
» убито случайно . . . . . 6 »
» умеръ подъ розгами . . . 1 »
Сожжено . . . . 78 усадебъ
Волостныхъ правленій и училищъ . 3 строенія.

Такія же и еще болѣе ужасныя расправы происходили въ другихъ мѣстахъ Россіи: 11 января 1906 года были разстрѣляны артиллеріей два армянскихъ селенія, 14 января былъ разрушенъ городъ Озургеты, 27 января въ Рагинскомъ уѣздѣ орудовали войска съ пушками и пулеметами, а совсѣмъ еще недавно, въ 1916 году, въ Туркестанѣ были уничтожены цѣлыя селенія и города и убиты и ранены

сотни и тысячи мирныхъ «русскихъ подданныхъ»... Невозможно подсчетать всѣ жертвы правительственнаго произвола, но не будетъ ошибкой, если мы скажемъ, что многія *сотни тысячъ* русскихъ гражданъ были разстрѣляны, повѣшены, измучены въ тюрьмахъ и въ ссылкахъ, въ селахъ и городахъ, на поляхъ и дорогахъ, на улицахъ и площадяхъ, въ казармахъ и у себя въ домахъ...

Страшное, кровавое дѣло дѣлало царское правительство, охраняя свое благополучіе. Отъ далекаго Сахалина до Балтійскаго моря, отъ ледяныхъ тундръ Сѣвера до знойныхъ областей Кавказа и Туркестана гуляла нагайка, трещали пулеметы и великій стонъ великаго страдальца народа звучалъ долгіе, долгіе годы...

Всюду по Россіи—въ городахъ, селахъ, деревняхъ, на заводахъ, фабрикахъ и казармахъ,—всюду слѣдили правительственные сыщики, всюду разспрашивали, всюду высматривали. Всюду въ Россіи понастроены были мрачные казематы, въ которыхъ гибли наши лучшіе люди, наши знаменитые писатели, борцы за право народное. По всей Россіи агенты ненавистнаго правительства врывались въ жилища гражданъ и хватали мирныхъ жителей, поселяя всюду страхъ и ужасъ. Повсюду въ Россіи свободное слово, призывавшее народъ къ свободѣ и правдѣ, душилось слугами того же правительства. А само оно—лживое, лицемѣрное, предававшее, обкрадывавшее и убивавшее народъ—руководило всѣми ужасами, висѣлицами и разстрѣлами, отдавая приказанія «патроновъ не жалѣть!», «дѣйствовать безпощадно!».

Теперь его нѣтъ. Возставшіе войска и народъ свергли навсегда иго произвола стараго правительства. На его мѣстѣ—правительство новое, правительство, съ составъ котораго вошли истинные представители народныхъ нуждъ и интересовъ. Оно возвѣстило въ своихъ воззваніяхъ свободу и начала правды и справедливости. Теперь самому народу предстоитъ устроить жизнь Россіи на новыхъ началахъ, и конечно, народъ, памятуя кровавые ужасы царскаго правительства, теперь сохранитъ завоеванную свободу и управлять страной будетъ самъ чрезъ своихъ избранниковъ, для которыхъ благо народа—превыше всего.

...а современныя политическія темы.

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ"

(Подъ редакціей *Е. Н. Ефимова, М. А. Осоргина, Т. И. Полнера Б. Е. Сыроѣчковскаго*).

* 1. Великіе дни. **А. М. Шубертъ.**
* 2. Какъ старое правительство довело Россію до революціи. **К. В. Сивков**
* 3. Послѣдній изъ дома Романовыхъ. **В. Е. Сыроѣчковскій.**
4. Временное правительство. **Б. Е. Сыроѣчковскій.**
5. Борцы за свободу. **М. А. Осоргинъ.**
* 6. Предстоящее Учредительное собраніе. **Е. Н. Ефимовъ.**
* 7. Всеобщее избирательное право. **Е. М. Побѣдина.**
8. Равноправіе женщинъ. **Е. Д. Кускова.**
9. Выборы народныхъ представителей. **А. С. Бутkевичъ.**
* 10. О свободахъ въ свободныхъ странахъ. **Н. А. Кабановъ.**
* 11. Какъ защищалось самодержавіе. **Б. Д. Ѳедоровъ.**
12. Республика или монархія. **Т. И. Полнеръ.**
* 13. Министры, отвѣтственные передъ страной. **Н. П. Губскій.**
* 14. Одна или двѣ палаты. **Н. А. Кабановъ.**
15. Единое государство и союзъ государствъ. **А. Ѳ. Саликовскій.**
16. Польша. **И. С. Рябининъ.**
17. Украина. **С. А. Ефремовъ.**
* 18. Церковь въ новой Россіи. **С. П. Мельгуновъ.**
* 19. Свобода совѣсти. **Н. Д. Шаховская.**
20. Какъ надо преобразовать церковь. **И. М. Громогласовъ.**
* 21. Свобода, равенство, братство. **Н. И. Тимковскій.**
* 22. Свободный народъ. **В. А. Розенбергъ.**
23. Солдатъ и офицеръ. **В. И. Лебедевъ.**
24. Новая армія. **В. И. Лебедевъ.**
25. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
* 26. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы. **Е. А. Звягинцевъ.**
27. Народное земство. **Е. А. Звягинцевъ.**
* 28. Мелкая земская единица или волостное земство. **Е. А. Звягинцевъ.**
29. Полиція и милиція. **П. В. Всесвятскій.**
30. Судъ и наказаніе. **И. Н. Сахаровъ.**
* 31. Темныя силы. (Распутинъ и др.). **А. Михайловъ.**
32. Романовъ въ исторіи. **В. В. Филатовъ.**
* 33. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. **В. Н. Перцев**
* 34. Пѣсни о свободѣ. **И. Н. Розановъ.**
* 35. Отчего загорѣлась великая европейская война. **Н. П. Огановскій.**
* 36. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. **К. В. Сивковъ.**
* 37. Враги ли евреи русскому народу. **Н. П. Огановскій.**
* 38. Будемъ трезвы. **С. И. Бондаревъ.**
* 39. Народъ—хозяинъ. **А. Б. Петрищевъ.**
* 40. Новый законъ о городскихъ выборахъ. **Е. А. Звягинцевъ.**
* 41. Паденіе царской власти. **В. Короленко.**
* 42. Про нынѣшнюю войну и про вѣчный миръ. **М. А. Осоргинъ.**

Земствамъ, кооперативамъ, общественнымъ и партійнымъ организаціямъ пр массовыхъ заказахъ для раздачи—скидка по соглашенію.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА", Москва, М. Никитская, 29; отд. въ Петроград книгоиздательство „ОГНИ", Фонтанка, 80.

